

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Актуальные проблемы современности и журналистика

Реферат

Книга Евгения Морозова “To Save Everything, Click Here” и ее значение для новых медиа

Работу выполнила:

студентка 523 группы

Савина Анна

Преподаватель:

Засурский И.И.

Москва 2014 г.

Евгений Морозов и современная теория медиа

Евгений Морозов — американский журналист и исследователь родом из города Солигорск (Белоруссия) известен, прежде всего, как самый последовательный критик технологических утопистов современности. Он часто вступает в споры с

Дэвидом О'Рэйлли, Эриком Шмидтом, и другими современными писателями и публичными личностями, которые предсказывают, что распространение интернета, доступность цифровых технологий и социальных сетей, а также анализ больших данных в скором времени изменят общество в лучшую сторону, и на Земле повсюду воцарится свобода и социальная справедливость.

В своих статьях для *New Yorker*, *Foreign Policy*, *The Wall Street Journal* и других известных изданий Морозов отрицает все эти утверждения: он считает, что большие данные только усиливают слежку за пользователями и позволяют манипулировать ими, «социальные» стартапы решают в основном проблемы, актуальные только для маленькой привилегированной группы людей и никак не помогают большинству, а активисты, действующие в социальных сетях, ничего не меняют, а только убеждают людей, что «лайк» — это досточное проявление инициативы, которое может положительно повлиять на что-либо.

В этой работе я хотела бы рассмотреть содержание книги Евгения Морозова *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism* («Кликни сюда, чтобы спасти все: недалновидность технологического солюционизма») и, в особенности, ее первую часть, объясняющую понятие «солюционизм». Я уверена, что каждому журналисту, пишущему о технологиях и их взаимодействии с обществом, или просто работающему в области новых медиа, полезно трезво оценивать возможности социальных сетей, больших данных, стартапов и их роль в современном обществе.

Книга “To Save Everything, Click Here”

Книга Морозова начинается с цитаты Жилия Паке, дающей определение термина «солюционизм», который автор использует в названии своей работы: «Солюционизм заставляет нас рассматривать сложные вопросы как паззлы, которые можно легко собрать, а не как проблемы, которые нужно решить».

В первой главе Морозов объясняет, почему даже небольшие изменения в нашей жизни могут повлечь за собой глобальные сдвиги. Чтобы подтвердить свою точку зрения, он приводит в пример новый стартап — BinCam, который предлагает пользователям фотографировать мусор, выкладывать снимки в интернет и анализировать их, чтобы более осознанно потреблять продукты и оптимизировать их утилизацию. Писатель утверждает, что это простое нововведение может полностью изменить наше отношение к личному и публичному, ведь на протяжении многих лет мусор оставался чем-то, что не принято показывать посторонним, чем-то, что может выдать человека — именно поэтому, вероятно, полицейские при обыске первым делом заглядывают именно в мусорное ведро.

Морозов утверждает, что проекты вроде BinCam были немыслимы ни 50, ни даже 15 лет назад. Новые веб-сервисы, и в особенности Facebook, призывают нас делиться тем, о чем раньше не было принято сообщать большому количеству людей. Сегодня мы можем рассказать сотням знакомых о нашем местонахождении, настроении, статусе отношений и вообще о любом жизненном событии. Кроме того, Морозов отмечает, что появление онлайн-сервисов и социальных сетей привело к стандартизации того, как мы сообщаем об изменениях в нашей жизни, и к унификации многих рутинных процессов, с которыми раньше каждый справлялся по-своему. «Нам больше не нужно сохранять воспоминания с помощью собственных методов и с удобной нам скоростью. Сила стандартизации!»

Писатель уверен, что распространение новых технологий, которые помогают собирать большие объемы данных, а также наличие инструментов для анализа собранной информации, повлияет на работу социологов, политиков и других людей, которые влияют на общественную жизнь. «Всем будет хотеться использовать силу этих новых технологий, по одной или вместе, чтобы решить определенную проблему». Морозов приводит много примеров: писатель утверждает, что технологии помогут решить многие как городские (сбор и утилизация мусора, пробки), так и государственные проблемы.

Что плохого в том, что технологии помогают нам решить все возможные проблемы? Писатель считает, что редуцирование всех сложных общественных явлений до упрощенных моделей, которые можно усовершенствовать с помощью пары верных алгоритмов, может привести к «неожиданным последствиям и вызвать появление новых проблем». Именно этим и опасен солюционизм как идеология: он, как и лекции на TED с убедительными, но поверхностными спикерами, заставляет людей переоценивать свои возможности и упрощать запутанные явления современной жизни.

Морозов показывает, что солюционизм был свойственен людям предыдущих эпох. Он приводит множество примеров неверного поведения чиновников, городских планировщиков и активистов и рассказывает о людях, которые боролись с ними. Одна из самых ярких историй — это история американки Джейн Джейкобс, которая написала знаменитую книгу «Смерть и жизнь больших американских городов». В ней нет слова солюционизм, но писательница критикует очень схожее явление: на примере Нью-Йорка, Чикаго и других мегаполисов она показывает, как нерационально городские власти ведут себя, решая несуществующие проблемы и разрушая городские сообщества.

В конце главы Евгений Морозов высказывает предположение, что сегодня мы стали свидетелями появления нового вида солюционизма — солюционизма Кремниевой долины. Писатель заметил, что быстро разбогатевшие владельцы технологических компаний, расположенных в этом районе Калифорнии, начали попытки применить знания, полученные в результате ведения бизнеса, чтобы исправить общественные проблемы, или как они их называют, «баги человечества». Переходя от введения к основной части повествования писатель говорит, что его цель — понять, почему, вдохновившись моделями работы Wikipedia и iTunes, люди применяют эти принципы в политике, и показать ограниченность такого «Интернет-центризма».

Во второй главе «Нонсенс «Интернета» и как остановить его» Морозов указывает на одну из причин популярности солюционизма — многозначность и расплывчатость слова «Интернет» в современном языке. Писатель говорит, что часто люди употребляют это слово в неверном контексте или используют его для обозначения самых разных, не относящихся друг к другу явлений: от свободы блогеров до «интернета вещей». Кроме того, часто профессионалы IT-индустрии утверждают, что обычные люди и чиновники не понимают, что такое Интернет, и поэтому не имеют право критиковать его или принимать регулирующие законы. Так произошло, например, когда профессионалы сферы цифровых технологий выступали против регулирования Конгрессом функции распознавания лиц в Facebook. Многие жители Кремниевой долины пытались выставить людей, ставящих под сомнение новые технологии, реакционерными или даже луддитами.

Писатель утверждает, что многие функции популярных сервисов не так логичны и естественны, как хотелось бы представить их создателям. «Нет ничего неизбежного, в том, что Google делает информацию доступной навсегда, или в том, что Facebook пытается продать нам ненужные продукты или не ограничивает количество ссылок, которое он показывает в ленте за день, до, например, десяти. Это точно не «врожденные» свойства Интернета», — пишет Морозов.

Автор уверен: убрав простое и такое многозначное слово «Интернет», и якобы свойственную ему открытость и публичность, люди, утверждающие, что цифровые технологии приведут нас к светлому будущему, вдруг столкнутся со сложными и неоднозначными явлениями. Им придется задать себе много вопросов, которые употребление слова «Интернет» помогает избегать. Кроме того, им придется задуматься о том, что произойдет, если Интернет исчезнет — сейчас они говорят о нем как о чем-то, что никогда не уйдет, но всего 15-20 лет назад никто не был в этом уверен, и многие думали, что онлайн-среда появилась ненадолго. Еще одна проблема — неосознание техноутопистами того, что наша реальная жизнь сегодня находится под влиянием онлайн-среды, которую мы создаем.

Морозов посвящает большую часть главы описанию того, как современные мыслители стали подвержены «технологической амнезии и полной незаинтересованности в истории». Писатель отмечает: «Интернет-центризм, который утверждает, что мы живем в эру великой и уникальной технологической революции, похож на некоторые более ранние фетиши и явления, связанные с технологиями, информацией, инновациями и цифровыми устройствами». Морозов утверждает, что такие теоретики технологий, как Клэй Ширки или Джефф Джарвис не являются историками, и поэтому обычно опираются на наиболее банальные работы по теории коммуникаций и технологий, упуская из виду многие важные аспекты этой проблемы. Кроме того, они переоценивают инновационность некоторых современных явлений — например, краудсорсинга, который использовался даже в XIX веке.

Подводя итог, Морозов пишет: «Мы должны временно забыть все, что мы знаем об «Интернете» — сегодня мы принимаем слишком многое как должное — а потом закатать рукава, и работать до тех пор, пока не будем уверены, что технологии не сдерживают процветание человечества, но и обеспечивают его».

В третьей главе Морозов критикует распространенное убеждение в том, что открытость и прозрачность Интернета — это его главные преимущества.

Писатель сравнивает эти понятия с солнцем — они, безусловно, полезны в разумных количествах, но чрезмерная открытость, по мнению автора, может привести к «ожогу». Однако в конце главы писатель отмечает, что «мы не отказываемся от загара, потому что боимся ожогов».

Морозов указывает на однобокость взглядов многих апологетов открытости и прозрачности. Он показывает, что для борьбы с пиратством и кражей их интеллектуальной собственности компании Кремниевой долины используют те средства, против которых они выступают, призывая к открытости. Иными словами, данные, находящиеся в режиме только для чтения, запрет поисковикам индексировать тот или иной контекст, прикрепление дат истечения срока годности к

файлам — всем этим пользуются многие технологические гиганты, хотя на публику они это отрицают.

Писатель критикует «интернет-центристов» вроде Лоуренса Лессига — известного американского профессора и борца с существующей системой авторских прав. Он уверен, что Лессиг предлагает чрезмерно радикальное решение существующих проблем, касающихся авторского права. «Почему мы должны менять законы, чтобы какой-то пятнадцатилетний подросток из Пало-Альто мог делать видеоколлажи из чужих клипов и не попасть в тюрьму?» — вопрошает Морозов.

Кроме того, критик приводит случаи, в которых открытость и прозрачность не являются общественным благом. Например, когда Пиратская партия в Германии предложила сделать публичными записи заседания Совета Старейшин Бундестага (*Ältestenrat*), который решает внутренние вопросы федерального собрания, эта идея была отвергнута — многие психологические исследования показывают, что огласив свою точку зрения впервые публично, мы с меньшей вероятностью поменяем ее впоследствии, чем при приватном общении. Иными словами, Интернет, по мнению Морозова, — не такое революционное изобретение, чтобы поменять многие разумные и сложившиеся на протяжении многих веков традиции.

Четвертая глава книги посвящена политическим силам, идеология которых — интернет-центризм. Морозов показывает, как Пиратские партии по всему миру сначала интересовались только изменением законодательства в области авторского права, а затем расширили свою повестку и начали предлагать реформы, касающиеся анонимности и приватности в интернете и свободы самовыражения. Морозов критикует их курс, но отмечает, что, по крайней мере, такие партии, в отличие от, например, движения «Анонимус», «готовы соблюдать политические ритуалы, запускать кампании, участвовать в выборах и выступать за те или иные законы».

Однако есть политические мыслители, которые уверены, что могут изменить всю систему в целом, например — Стивен Джонсон, написавший книгу Future Perfect о влиянии технологий на политику. Морозов критикует его взгляды и в особенности введенный Джонсоном термин liquid democracy — автор Future Perfect уверен, что нужно избавиться от представительской демократии и перейти к прямому голосованию граждан за те или иные меры или дать им возможность передать свой голос делегатам — специалистам в какой-то области, чьему выбору можно доверять. Морозов не только критикует «жидкую демократию», но и указывает на то, что это вовсе не новая идея — подобные меры предлагал и писатель Льюис Кэрролл, и американский экономист Джеймс Миллер III. Кроме того, Морозов сообщает, что недостатки «жидкой демократии» тоже давно описаны — например, политологом Бернардом Криком, который писал об этом в 1960-е.

Завершая главу, Морозов пишет, что главная проблема солюционистов — это их нежелание признать, что стремление к идеалу не помогает, а часто разрушает политику. Многие технологические утописты, по мнению писателя, забывают, что «демократия — это сложная система, и если она никогда не будет приводить к разочарованиям, она никогда не приведет к успеху». Морозов шутит: «Солюционисты не понимают, что политики — не надувные матрасы и не фены, которые так легко можно оценить по пятибальной шкале.

В пятой и шестой главах своей книги Морозов выбирает новую цель для критики — современные алгоритмы, которые используют многие интернет-компании, и люди, которые уверены, что государство должно управляться именно с помощью таких механизмов. Один из самых интересных примеров Морозова, доказывающих, что алгоритмы не так объективны, как кажется — это история отношений журнала Guernica и Google. Интеллектуальное издание, публикующее работы ведущих современных писателей и философов, исключили из программы баннерной рекламы Google AdSense, потому что алгоритм технологического гиганта признал «порнографическим» рассказ «Early Sexual Experiences» знаменитого американского писателя Клэнси Мартина. Алгоритм должен

распознавать порносайты, чтобы Google не размещал на них свою рекламу, но литературный рассказ он различить не смог. Морозов уверен, что это лишь один из тысяч случаев, доказывающих, что современные алгоритмы не нейтральны и не объективны и могут признавать виновными тех, кто не совершал ничего противозаконного.

Кроме того, Морозов показывает, как некоторые сервисы с помощью алгоритмов искажают наше представление о реальности — например, Twitter Trends показывает нам не наиболее важные новости, а те, что обсуждаются больше всего. Кроме того, Морозов критикует оценки на сайтах Yelp и iTunes, потому что они унифицируют все отзывы и создают рамки, внутри которых невозможна вдумчивая критика и анализ того или иного места или продукта. В конце главы автор приходит к заключению, что в современном мире как никогда раньше нужны профессиональные критики, которые разбираются в выбранном предмете, а не сервисы, которые приводят только к тому, что люди мыслят стереотипно и теряют навыки критического мышления.

Морозов показывает, что особенно опасно доверие алгоритмам, которые якобы помогают работе властей и полиции. Писатель рассказывает о программе PredPol, которая используется полицией Лос-Анджелеса. Это ПО анализирует статистические данные о преступлениях предыдущих лет, разбивает карту полицейского патруля на зоны, подсчитывает частоту преступлений в каждой из них и затем показывает, в каких зонах нужно быть особенно внимательными. Конечно же, после начала использования этой программы полицейские столкнулись с множеством трудностей и часто ехали туда, где не происходило никаких преступлений.

Еще одна мишень для критики Морозова — это не специально разработанные программы, а технологические компании, которые сами идут на сотрудничество с полицией и властями и таким образом берут на себя часть их функций. Например, так делает Facebook: социальная сеть помогает полиции, сравнивая загружаемые

на сайт изображения с базой данных ФБР с детским порно, и таким образом помогает бюро предотвращать преступления или расследовать их. Морозов уверен, что делегирование полномочий государственных служб на поисковики и социальные сети — это противозаконно. Как и в предыдущих главах, в конце шестой главы Морозов призывает «ставить под вопрос уместность каждого изменения и возможно создавать способы для общественных дебатов, на которых будет обсуждаться каждое, даже самое маленькое, технологическое нововведение, которое может привести к огромным последствиям для общества».

В седьмой и восьмой главах Морозов рассуждает о феномене Quantified Self (измерения различных показателей жизненной деятельности человека для того, чтобы сделать его более продуктивным и здоровым) и о лайфлоггинге (фиксации всех своих действий на протяжении жизни). Сначала писатель рассказывает о технологических энтузиастах (в основном, из Кремниевой долины), которые собирают данные о пройденных километрах, количестве часов сна, своем рационе с помощью приложений и носимых гаджетов. Один из самых ярких представителей движения Quantified Self (его манифест в 2010 году написал технологический журналист Гэри Вульф) — это графический дизайнер Николас Фелтон, который ежегодно издает Felton Annual Report со всеми данными о своей деятельности за год.

Морозов показывает, что люди, пытающиеся зафиксировать свою деятельность и проанализировать ее — вовсе не новое явление. Чем-то подобным занимался еще Бенджамин Франклин и многие другие люди прошлых эпох. Однако с появлением новых технологий, отмечает автор книги, у нас появилось все больше инструментов для точных измерений, и наше отношение к ним поменялось. «Вместо того, чтобы переживать, что технологические компании следят за всем, что мы делаем, мы сожалеем, что не вся наша деятельность фиксируется — ведь эти данные можно использовать, чтобы улучшить нашу жизнь или хотя бы чтобы продать их компаниям и получить немного денег», — пишет Морозов о современной деформации отношения к персональным данным.

Писатель уверен, что новые технологии могут маргинализировать целые группы людей: «Если я решил носить гаджеты, измеряющие мою активность, и делиться данными о своем здоровье, а вы не хотите делать также, это может восприняться как свидетельство того, что у вас есть, что скрывать». Именно поэтому Морозов призывает установить случаи, когда измерения и публикация данных не допустимы. Кроме того, он уверяет, что данные, которые собирают компании — антинаучны, потому что их главная цель — это маркетинг, слежка за потребителем.

После выноса приговора движению Quantified Self Морозов рассказывает о лайфлоггинге и его пионере — инженере Microsoft Гордоне Белле, который много лет записывает всю свою жизнь на камеру, прикрепленную у него на груди. Цель Белла — не продуктивность и не непреднамеренная помощь корпорациям, а победа над памятью, которая не может зафиксировать все происходящее. «Проект Белла — хороший пример упрощенного проекта, который перевозит только одно социальное благо — Правду — выше всех остальных», — пишет Морозов.

Кроме того, в восьмой главе Морозов рассматривает другой вид фиксации своей деятельности — отбор и запоминание прочитанных статей и книг, который стал возможен благодаря появлению Amazon Kindle и ленте Facebook, позволяющей делиться интересными статьями. Писатель критикует патернализм этих компаний, которые создают механизмы рекомендаций книг или статей — он уверен, что технологии не помогают нам расширить кругозор, а напротив, сужают его, заставляя всегда оставаться в сети своих предыдущих предпочтений и «лайков».

Последний объект критики Морозова — это компании и государственные службы, пытающиеся применить геймификацию для привлечения пользователей или, например, избирателей к проекту или кампании. Писатель уверен, что игровые механики и системы вознаграждения для привлечения людей к политической

жизни — это в корне неверно. «Правительства не являются компаниями и граждане — не потребители», — пишет он.

Подводя итог рассуждениям о лайфлоггинге, документированию своей активности и геймификации, Морозов пишет, что несмотря на обещания компаний, новые способы сбора и анализа данных о своей жизни помогут нам осознать свою уникальность, потому что это может привести к краху бизнеса таких компаний, как Facebook, ведь на самом деле они унифицируют людей, а не помогают им найти свою идентичность.

В девятой и последней главе Морозов подводит итоги всей книги, и призывает читателей не доверять солюционистам, ставить под вопрос вещи, которые на первый взгляд кажутся очевидными, и стараться понять мир во всей его сложности. Кроме того, он советует относиться к пользователям Интернета как к гражданам, а не как к потребителям. Морозов пишет, что главное, что должны сделать солюционисты — это «выделить время и заняться изучением человека, потому что помощь людям, основанная на уверенности, что люди похожи на роботов, на поможет нам действительно продвинуться».

Заключение

На мой взгляд, книга *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism* помогает проанализировать разные аспекты современных цифровых технологий и главное, дает историческую перспективу, которая помогает понять происходящее сегодня в контексте теории коммуникации и избежать ошибок, которые допускали техноутописты предыдущих поколений. Для журналиста, пишущего о явлениях современного мира, почти каждое из которых так или иначе связаны с современными технологиями, и для того, кто работает в цифровой среде, полезно понимать, что такое солюционизм, и почему его нужно избегать. Кроме того, сам ход мысли Евгения Морозова и то, как он выстраивает свою аргументацию — пример вдумчивого и при этом увлекательного письма, которому должен учиться каждый журналист и писатель.

Список использованных ресурсов

1. To Save Everything, Click Here <http://www.amazon.com/Save-Everything-Click-Here-Technological/dp/1610393708>
2. <http://www.bundestag.de/bundestag/aeltestenrat>
3. http://en.wikipedia.org/wiki/Quantified_Self
4. <http://en.wikipedia.org/wiki/Lifelog>
5. http://en.wikipedia.org/wiki/Delegative_democracy
6. <http://en.wiktionary.org/wiki/solutionism>